

УДК 942.055; 316.485.2; 81.2
DOI 10.21685/2072-3024-2020-4-1

В. П. Митрофанов

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ТЮДОРОВСКОЙ АНГЛИИ (ПО ДАННЫМ СОВРЕМЕННОГО)

Аннотация.

Актуальность и цели. Тема статьи актуальна в связи с недостаточной разработанностью в историографии такого специфического явления повседневной жизни позднесредневековой Англии, как преступления. Специальное изучение данного аспекта на основе одного из самых ярких английских трактатов XVI в. позволит лучше понять значение различных видов преступлений и наказаний за их совершение в повседневной жизни англичан, а также взгляд современника, антиквария Уильяма Гаррисона, автора трактата, на эти явления общественной жизни.

Материалы и методы. Для осуществления поставленной задачи с помощью диалектического метода познания и специальных методов исторического исследования проведен текстологический анализ и синтез трактата У. Гаррисона «Описание Англии», а также некоторых других источников, специальной англоязычной литературы и ряда работ отечественных авторов. Данная методика исследования позволила выявить виды преступлений, совершаемых в английском обществе XVI в., в контексте их описания автором трактата.

Результаты. Используя нарративный источник «Описание Англии» У. Гаррисона, рассмотрели две основные категории преступлений (триз и фелони), некоторые проступки, а также практиковавшиеся наказания за их совершение, отношение самого автора к этим явлениям, тем самым внесен определенный вклад в отечественное англоведение.

Выводы. Виды преступлений и наказаний за них У. Гаррисон рассматривает не с позиции юриста, а с позиции антиквария. Он непременно углубляется в историю с целью выискать истоки имевшихся в его время преступлений и видов наказаний за них. Его описание преступлений и наказаний за них иногда до мелочей подробное и дает яркое представление об этом аспекте социальной истории Англии XVI в. Правовая мысль англичан еще не намного продвинулась по сравнению с периодом классического Средневековья. Кроме известной классификации преступлений «государственная измена», «фелони», да еще «мисдиминора», о которой автор вообще не упомянул, более дробной классификации в общем праве английского королевства еще не было. В описании автором трактата способов наказаний встречаются не только жестокость, характерная для того времени, но и явные архаизмы. Вместе с тем в правосознании англичан прослеживается понимание соразмерности вида преступления и наказания, умышленное и непредумышленное преступление и т.п. Современ-

© Митрофанов В. П., 2020. Данная статья доступна по условиям всемирной лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), которая дает разрешение на неограниченное использование, копирование на любые носители при условии указания автора, источника и ссылки на лицензию Creative Commons, а также изменений, если таковые имеют место.

никами понималась особая опасность и вред преступлений, совершенных группой лиц, что учитывалось в способах наказаний. На меры наказаний оказывала влияние церковь и каноническое право. Как и в предыдущие столетия, сохранилась публичность наказаний, что, видимо, по-прежнему считалось необходимым для удовлетворения жертвы преступления и для назидания остальным. Автор трактата существовавшую в Англии практику наказаний за преступления не осуждает и даже детально описывает, как и другие явления повседневности.

Ключевые слова: Гаррисон, антикварий, преступления, наказания, Англия, «фелони», «тризн».

V. P. Mitrofanov

CRIMES IN TUDOR ENGLAND (ACCORDING TO A CONTEMPORARY)

Abstract.

Background. The topic of the article is relevant in connection with the insufficient elaboration in historiography of such a specific phenomenon of everyday life in late medieval England as crime. A special study of this aspect based on one of the brightest English treatises of the 16th century will allow us to understand better the meaning of various types of crimes and punishments for their commission in the everyday life of the British, as well as the view of a contemporary, antiquary William Harrison, the author of the treatise, on these phenomena of social life.

Materials and methods. The dialectical method of cognition and special methods of historical research, a textual analysis and synthesis of W. Harrison's treatise "Description of England", as well as some other sources, special English-language literature and a number of works by domestic authors, were carried out. This research methodology made it possible to identify the types of crimes committed in 16th century's English society, in the context of their description by the author of the treatise.

Results. Using the narrative source "Description of England" by W. Harrison, we examined two main categories of crimes ("treason" and "felony"), some misconduct, as well as practiced punishments for their commission, the author's attitude to these phenomena and thereby made a certain contribution to Russian studies of English history.

Conclusions. W. Garrison examines the types of crimes and punishments for them not from the standpoint of a lawyer, but from the standpoint of an antiquary. He certainly delves into history in order to find the origins of the crimes that existed in his time and the types of punishments for them. His description of crimes and punishments for them is sometimes detailed to the smallest detail and gives a vivid idea of this aspect of the social history of England in the 16th century. The legal thought of the englishmens has not yet advanced much in comparison with the period of the classical Middle Ages. In addition to the well-known classification of crimes "high treason", "felony", and even the "misdiminor", which the author did not mention at all, there was no more fractional classification in the common law of the English kingdom. In the description of the methods of punishment by the author of the treatise, there are not only cruelty characteristic of that time, but also obvious archaisms. At the same time, an understanding of the proportionality of the type of crime and punishment, intentional and unintentional crime, etc., can be traced in the legal consciousness of the englishmens, etc. Contemporaries understood the special danger and harm of crimes committed by a group of people, which was taken into ac-

count in the methods of punishment. The penalties were influenced by the church and canon law. As in previous centuries, the publicity of punishments remained, which, apparently, was still considered necessary to satisfy the victim of the crime and to edify the rest. The author of the treatise does not condemn the existing practice of punishment for crimes in England and even describes in detail, like other phenomena of everyday life.

Keywords: Harrison, antiquary, crimes, punishments, England, “felony”, “treason”.

В последнее время в дискурсе историков все чаще звучит проблема повседневной жизни европейцев раннего Нового времени [1–4]. Это и побудило автора настоящих строк предпринять исследование такого специфического аспекта повседневности англичан XVI в., как преступления.

Один из немногих авторов периода Тюдоров (1485–1603), оставивший описание данного аспекта повседневности, был Уильям Гаррисон. Он принадлежал к числу ранних антикваров XVI в. Его труд «Описание Англии» был опубликован в 1577 г. [5]. Общая оценка его работы уже давалась в отечественной историографии [6–10]. Однако описываемые им виды преступлений лишь кратко затрагивались отдельными историками [8, 11]. Между тем трактат представляется в этом отношении ценным нарративным источником, так как в нем даны живые зарисовки различных видов преступлений. Антикварий посвятил отдельную главу этому сюжету, очевидно полагая, что в противном случае его повествование об английском королевстве будет неполным. Назвал он ее «О различных наказаниях, назначаемых преступникам» [5, р. 187–195]. Английское законодательство в историческом контексте он рассматривает в другой главе [5, р. 162–180].

Свои рассуждения в этой части трактата У. Гаррисон начинает с описания группы преступлений, именуемых в английском общем праве «фелони» (felony). В нее входят человекоубийство, грабеж, изнасилование, пиратство и прочие преступления, которые не причиняют вреда интересам государства, но за которые полагалась смертная казнь через повешенье. Антикварий полагал, что из-за такого сурового наказания подобные виды преступлений редко совершались в его родной Англии, по сравнению с другими странами. Он отрицательно относится к пыткам как к средству дознания. По его мнению, для тех, «кто презирает смерть», пытки не страшны. Автор осуждает их, ибо они «приводят тело человека в рабское состояние». Пытки, по его мнению, удел не свободных, а рабов. В его отношении к пыткам заметно влияние как римского права, так и англо-саксонского обычного права. Он ссылается на трактат Томаса Смита «О Республике Англия», подчеркивая вслед за ним природное чувство свободы, достоинство англичан, готовых мужественно идти на смерть, но не желающих испытывать на себе «вилланские и рабские средства дознания». Поэтому применение пыток тюремными служащими в отношении свободных людей, находящихся в заключение, рассматривается как вид преступления, входящего в понятие «фелони», а следовательно, называется по закону. Однако английский историк К. Хилл, ссылаясь на трактат Дж. Фортеस्कью, отметил, что английские юристы уже с конца XV в. доказывали, что пытки противоречат общему праву. Хотя при Елизавете I Тюдор пытки были запрещены, но все же спорадически применялись вплоть до

1640 г. [12]. Видимо Гаррисон все-таки знал о применении пыток, но не хотел писать об этом неблагоприятном явлении в английской системе наказания.

Антикварий отмечал, что наиболее тяжкие наказания применялись за преступления, совершенные против государства, называемые «тризн» (treason). Однако в этой категории преступлений различались «высшая государственная измена» и «меньшая государственная измена». За них полагалась так называемая «квалифицированная» казнь (четвертование), описание которой он подробно излагает. Однако если государственное преступление было «не слишком тяжелым», то осужденного просто сразу вешали, а уже потом четвертовали [5, p. 187]. Кроме того, практиковалась своеобразная сословная классификация наказания. Так, если за «высшую государственную измену» осуждался представитель знати своими «пэрами» (т.е. присяжными в судах – *В. М.*), то хотя приговор выносился по полной форме, т.е. «квалифицированная казнь», но осуществлялась она просто отсечением головы осужденного [5, p. 187, 188].

Гаррисон упоминал о процедуре судебного расследования по делам о государственном преступлении, которые основывались на суде присяжных, причем последние должны были быть равными подсудимому в сословном отношении. Но этот принцип не распространялся на сословия ниже джентри, которые должны были судиться «по закону страны» [5, p. 188]. Видимо здесь имеется в виду общее право, и данный принцип, восходящий еще к знаменитой 39 статье «Великой Хартии вольностей», уже не соблюдался в отношении низших сословий.

Гаррисон описывал процедуру казни осужденных за умышленные убийства и крупный грабеж. Их, закованных в цепи, отвозили к месту совершения преступления и там вешали. Автор гордится тем, что в его стране не используют колесование и другие мучительные способы казни, как это практиковали в то время в других странах. Единственное, что придавало отчасти мучительный характер казни, так это то, что за предумышленное убийство перед повешением преступнику отрубали правую руку на том месте, где он совершил преступление [5, p. 188]. Столь архаичный обычай символизировал некую компенсацию жертве преступления в виде отрубленной руки убийцы.

Как антикварий Гаррисон дает филологический анализ понятия «фелони», обозначавшего большую группу преступлений. Он полагает, что это слово происходит от саксонских слов “fell” и “one”, что означало «зло», «грешный» и т.п. [5, p. 188]. Поскольку значений у этого слова много, то сюда подпадали многие тяжкие преступления. Используя публикации статуты, начиная с правления Эдуарда II, У. Рестилла, изданные в 1574 г., он дает перечень преступлений, входящих в это понятие. К ним он относит преступления, за которые полагается тюремное заключение. Например, причинение вреда «вассалам принцев» (очевидно, дворянам как вассалам короля – *В. М.*), охота ночью с раскрашенными лицами и с забралом, изнасилование или умыкание женщин и девушек, заговор против людей «принца» (очевидно, представителей титулованного дворянства – *М. В.*), кража имущества стоимостью свыше 40 шиллингов, угон лошадей в Шотландию, содомия, кража соколиных яиц, колдовство, волшебство, ведовство, заклатье на оружие, срывание крестов, заклатье, брань, распространение клеветнических законопро-

ектов, убийство путем отравления, дезертирство солдат с поля боя, фальшивомонетчество, а также все преступления, квалифицированные как “*praemunire*” [5, p. 189]. Под этим термином первоначально подразумевалась поддержка верховенства папской юрисдикции в Англии. Однако впоследствии – любые преступления, за которые полагалась конфискация имущества и тюремное заключение. В перечень преступлений, трактуемых как «фелони», Гаррисон включил присвоение «чужих записей», т.е. чужих письменных документов, захват имущества умершего человека его слугами, кража скота, разбой на королевских дорогах, а также на море или в жилом доме, спускание прудов, кража кошельков, кража оленей в ночное время, подделка монет, доказательств (очевидно, письменных или вещественных, предъявляемых в судах – В. М.), «хартий» и письменных документов (очевидно, корпоративного характера – В. М.) и различные другие преступления, которые автор «не столь сильно запомнил» [5, p. 189].

Как видно, в составе «фелони» фигурируют как преступления против государства (фальшивомонетчество, подделка документов и улики в судах), так и обычные уголовные преступления против личности. Причем среди последних можно выделить тяжкие преступления, как то убийство, изнасилование, похищение людей, грабеж, и преступления религиозного характера (опрокидывание креста, колдовство и т.п.).

Гаррисон замечает, что при определении способа наказания учитывалась половая принадлежность обвиняемого. Так, если женщина отравила мужа, то ее сжигали заживо [5, p. 189]. Это можно объяснить опять-таки архаизмами англо-саксонского права и сохранявшимся в то время подчиненным положением женщины в семье и в обществе. Также учитывался и социальный статус обвиняемого. Так, например, если слуга убил своего хозяина, то это приравнивалось к измене и, соответственно, наказание за это деяние могло быть как за государственную измену. Правда, английские судьи квалифицировали ее как “*Petty treason*”, т.е. как мелкое государственное преступление, в отличие от “*High Treason*”, т.е. высшая государственная измена. Тем не менее, за такой вид преступления могли присудить к «квалифицированной казни» или просто к повешенью с последующим четвертованием. В других случаях за отравление мужчины виновному заливали в глотку свинец или кипяток. Убийство, совершенное группой лиц, каралось смертью для всех соучастников [5, p. 189].

Лжесвидетельство наказывалось выставлением человека у позорного столба и выжиганием у него на лбу буквы “P”, т.е. “*Perjury*” (клятвопреступник – В. М.). Видимо, такой способ наказания был нужен для того, чтобы все узнали бы об этом преступнике, и тогда он уже никогда не смог бы давать клятвенные показания в судах. К тому же предусматривалось уничтожение всех деревьев на земле клятвопреступника, а все его движимое имущество подлежало конфискации [5, p. 189]. Как видно, наказание за клятвопреступление было довольно серьезное и сочетало в себе физическое наказание, моральное и материальное.

Нарушение права владения, т.е. вторжение в частную собственность тоже рассматривалось как преступление и наказывалось отрезанием одного или обеих ушей. Предусматривалось и наказание за оскорбление должностных лиц, за организацию драки, за мелкий разбой и т.п. [5, p. 189]. Однако

Гаррисон не упоминает виды наказания за них. Зато упоминает о наказаниях за бродяжничество, что, как известно, было в то время распространенным явлением и считалось преступлением [5, р. 189; 13]. За этот вид преступления, по его словам, прижигали уши. Значит, бродяжничество фактически приравнялось к преступлениям категории «фелони». Однако антикварий не ссылается на действовавшие в то время законы о пауперах, в которых были зафиксированы виды наказаний за бродяжничество. Вообще он не рассматривает бродяжничество как социальное явление подробно, поскольку этому посвящена в трактате отдельная глава [5, р. 180–186].

Гаррисон пишет, что при вынесении наказания убийцам учитывался способ, которым они умертвили жертву. Так, если убийство было совершено путем отравления, то виновного бросали в кипяток или обливали до смерти свинцом или кипятком. Еретиков, пишет он, «быстро сжигали» [5, р. 189].

Оказывается, наказаниям подвергали проституток и их сутенеров, которыми могли быть и женщины. Их везли в телеге, окунали в воду, после чего на них налагалась епитимья в церквах или на рыночных местах, а затем их подвергали моральным упрекам. Таким образом, здесь все же превалировало моральное наказание. Однако автор пишет и о других, более жестких наказаниях проституток. В частности, их могли окунать поочередно сначала в кипяток, а затем в холодную воду с последующим обмыванием. Кроме того, по распоряжению Рыцаря-Маршала королевства некоторых проституток, очевидно злостных, могли проволочить по реке Темзе на лодке «от Ламберта до Вестминстера» [5, р. 189]. Таким образом, среди мер наказания проституток доминирует публичность наказания и вода, видимо, как средство смывания их греховных деяний.

Прелюбодеяние и блуд в то время не рассматривались как преступления, но все же автор как истый протестант заметил, что он сторонник наказания за эти проступки. И опять-таки в антикварных традициях он делает исторический экскурс в отношении этих проступков. Он повествует, что в Англии первым королем, который повелевал наказывать за эти проступки, был Канут, т.е., очевидно, Канут Датский в начале XI в. Якобы он поручил духовенству наказывать за блуд. При нем наказанием за нарушения супружеской верности была конфискация имущества в пользу короля. Вероятно, король мог такого мужчину даже обратить в рабство. Жене за аналогичное преступление выкалывали глаза или обрезали нос, или же и то и другое, если это было не в первый раз или если она совершила прелюбодеяние сразу с несколькими мужчинами. Впоследствии, пишет Гаррисон, духовенство настояло на отмене таких способов наказаний за супружескую неверность. Однако он полагает, что в его время следовало бы наказывать за супружескую неверность и блуд так же, как за нарушения права владения, а именно обращением в рабство к тому, кто пострадал от этого деяния, или же отправкой на галеры. По его мнению, это будет лучше, чем применяемое в то время получасовое подвешивание с последующим стоянием в простынях, будь то, хотя бы и холодная погода, во время наложения епитимьи [5, р. 190].

Далее Гаррисон опять-таки в традициях антикварного историописания, продолжает исторический экскурс в отношении других видов преступлений. Он пишет, что преднамеренное убийство в прошлые времена наказывалось штрафом в зависимости от социального статуса жертвы. Суммы штрафов то-

гда исчислялись в 1200, 600 и 200 шиллингов. Очевидно, эти цифры автор трактата заимствовал из англо-саксонских правд. Вспоминает он, что по статусу Генриха I лондонские горожане за такой вид преступления наказывались в 100 шиллингов, но штраф мог быть и больше в зависимости от социального статуса убитого. В прошлом в Англии самоубийство приравнивалось к преступлению, а поэтому тела самоубийц сжигались в поле, а пепел рассеивали [5, р. 190]. Таким образом, им отказывали в христианском обряде погребения, а значит, как бы и лишали какой-либо возможности попасть в царство божье.

Вспоминая о видах наказаний в прошлые времена, Гаррисон напоминает читателю, что и тогда учитывали вид преступления при определении способа наказания. Так, например, колдуний вешали или иногда сжигали, а воров в основном вешали на виселицах или на перекладинах. Исключением был Галифакс (Западный Райдинг, Йоркшир – *В. М.*), где им отрубали головы каким-то оригинальным способом, который он довольно подробно описал. По сути дела это было гильотинирование. Правда, вместо падающего большого лезвия, как на печально известных французских гильотинах XVIII в., эту функцию выполнял обычный топор. Причем он опускался с помощью веревки, которую мог дернуть каждый желающий. Топор падал с такой силой, что, даже если шея преступника была довольно массивной, то все равно голова отлетала от удара на порядочное расстояние. Гильотинирование применялось к похитителям скота. Причем преступника помещали на такую гильотину, а конец веревки привязывали к животному, которого он украл, и казнь как бы осуществляло само домашнее животное, которое заставляли, очевидно, лишь сдвинуться с места [5, р. 190].

Далее Гаррисон пишет, что за уголовные преступления, если преступник схвачен на месте или же факт преступления подтвердился показаниями в ходе судебного расследования и четверо констеблей подсчитали, что сумма ущерба составила 13,5 шиллинга и более, то наказывалось это отсечением головы на следующий рыночный день. Рыночные дни в то время обычно приходились на вторник, четверг и субботу. Однако преступника могли казнить и в день вынесения судебного приговора, если рыночный день уже состоялся [5, р. 190, 191]. Таким образом, осужденный практически лишался права на апелляцию.

В отношении жуликов и бродяг часто применяли наказание в виде порки. За брань окунали в воду на «позорном стуле» [5, р. 191]. Это, конечно, не тяжелые наказания, но эффективные по степени воздействия, ибо человек не скоро забудет его, а значит, постарается не допускать рецидива, тем более что за бродяжничество повторное наказание предусматривалось уже более суровое. Однако за рецидив брани, видимо, ужесточения наказания не предусматривалось.

Интересно, что в Англии существовал обычай, согласно которому некоторые преступления категории «фелони», за которые наказанием могла быть конфискация имущества, по желанию обвиняемого могли быть еще до суда заменены придавлением такого человека большим камнем, который клался ему на грудь, а под спину клали острый камень [5, р. 191]. Фактически, это было равносильно смертной казни, но зато в таком случае имущество этого человека оставалось у его родных и не переходило в собственность короны. Этот обычай явно был архаизмом древних ордалий.

Гаррисон пишет о том, что из канонического права в судебную практику вошел обычай не наказывать строго человека, если он первый раз совершил преступление, не сопряженное с тяжкими последствиями или с явным злым умыслом. Например, за кражу быка, овцы, денег, преступления, которые нельзя было квалифицировать как разбой на дорогах или же вторжение в чужое жилище без опасности для жизни пострадавшего, без пролома дверей или стен, виновному лишь прижигали большой палец левой руки, т.е. ставили как бы метку. Если же такой человек совершил повторно какое-либо преступление, входящее в категорию «фелони», то его приговаривали к соответствующему наказанию. Автор даже гордится тем, что этот обычай, вошедший в практику английского судопроизводства, не имеет аналогов в других странах. Вместе с тем он как антикварий полагает, что такой обычай может восходить еще к временам «германских племен готов и вандалов» [5, р. 192].

Дела о пиратстве и морском разбое, по Гаррисону, рассматривались в суде Адмиралтейства. Наказание за этот вид преступления – смертная казнь. Она могла осуществляться через повешенье. Причем повешенных пиратов оставляли висящими на берегу, на срок трех морских приливов, которые, очевидно, смывали трупы в море. Получается, что пиратам фактически отказывали в обряде христианского захоронения. Могли применять и другой вид казни: замуровывать их в пирсах, но не полностью, оставляя отверстие, с тем чтобы они захлебнулись во время приливов, а затем, очевидно, отверстие заделывали [5, р. 192]. Однако во времена правления Елизаветы I Тюдор казнили пиратов крайне редко, так как королева негласно поощряла пиратство, ибо они действовали против испанских судов, а их самих рассматривали как потенциальных опытных моряков, которые всегда могли пригодиться государству [14, с. 155–157].

Рассуждая о некой суровости наказаний за убийство, Гаррисон полагал, что это способствует снижению общего числа такого рода преступлений. Преступления, которые он называет термином “certes”, причиняли не больше вреда, чем разбои. Эти виды преступления совершались в основном молодыми джентльменами. А вот грабежи чаще совершали слуги, ибо им, по мнению автора, не хватало жалованья на жизнь. Именно поэтому, по его мнению, они занимались грабежами на дорогах, в домах богатых джентри и фермеров-овцеводов. Гаррисон даже повествует о том, как они выискивали объект для грабежа. Оказывается, о степени богатства потенциальной жертвы они судили по тому, насколько откормлены их лошади. Они крали таких лошадей и продавали в других местах. Он пишет, что, судя по показаниям преступников, которых за это повесили, среди них были лица, имевшие от 40 до 60 голов украденных лошадей. Продавали они их «на ярмарках и рынках в отдаленных местах». При этом маскировались под «честных йоменов и очень богатых скотоводов». По словам автора трактата, недавно была арестована целая шайка таких конокрадов, которые выдавали себя за добропорядочных горожан. У них было много краденых лошадей, которых они продавали по ценам ниже рыночных. При этом они могли рассказать покупателям разные байки о том, почему они продают лошадей по более низким ценам [5, р. 192, 193].

Далее автор опять затрагивает тему о пауперах и замечает, что их «великое множество повсюду» [5, р. 193]. Власти же их повсеместно наказывали. Он пишет, что «нет и года, когда бы 300 или 400 из их числа не унич-

тожались бы и не пожирались бы виселицами то в одном, то в другом месте» [5, р. 193]. Антикварий даже вспоминает, что по свидетельству итальянца Джироламо Кардано в последние два года правления Генриха VIII было наказано (execution) 72 000 воров, а законы о бродягах выполнялись столь строго, что их повесили в то время от 3000 до 12 000 [5, р. 193]. Вполне вероятно, что цифры эти неточны и завышены, но Гаррисон полагает, что Генрих VIII внушал ужас бродягам, и поэтому их численность сократилась, но после его правления, наоборот, стала расти. Он не называет огораживания пахотных земель крестьян и эвикцию их самих как основную причину пауперизации. Лишь мельком упоминает военную службу как главную причину, после которой люди якобы уже не желают заниматься трудом или торговлей [5, р. 194, 195].

Наряду с характеристикой видов преступлений и наказаний за них Гаррисон дает интересное описание способа задержания грабителей, воров и убийц, явно восходящего к англо-саксонским временам. Суть его состоит в том, что как только какому-либо констеблю деревни сообщали, что в их местности может укрываться преступник, то он был обязан собрать людей и прочесать территорию своего прихода с целью его обнаружения. Причем эта своеобразная поисковая команда могла не только разыскивать преступника на местности, но и вторгаться в дома жителей деревни. Если же преступник не был обнаружен, то этот констебль должен был известить констебля соседней деревни об этом преступнике, который в свою очередь должен был действовать таким же образом. И так поиск преступника шел по цепочке, от одного церковного прихода к другому, пока он не был обнаружен и схвачен. Если же жители какого-либо церковного прихода содействовали сокрытию преступника или же не проявляли должного рвения в его поиске, то на них, равно как и на всех остальных жителей не только этого церковного прихода, но и всей сотни, накладывался штраф. Несмотря на это, как полагал автор, народ не всегда проявлял рвение в поисках преступников и их доставке в тюрьму, особенно если она была далеко от их места жительства [5, р. 194, 195]. Вполне понятно, что такие полицейские функции, не оплачиваемые государством, были обременительны как для крестьян, так и для горожан, ибо для этого им надо было отрываться от своих хозяйственных дел.

Гаррисон, хотя и сконцентрировал свое внимание на описании преступлений, входящих в категорию «фелони», но не дал характеристику такого преступления, как мятеж, если в нем участвовало более 12 человек. Но, по его мнению, этот вид преступления мог быть отнесен и к понятию «мисдиминора», если в нем участвовало от 3 до 11 человек и если они разошлись в течение часа по требованию представителя власти [15, р. 211, 212, 377].

Таким образом, Уильям Гаррисон преступления и наказания за них рассматривает не с позиции юриста, опиравшегося на общее и обычное право или же на каноническое право, а с позиции антиквария. Как и при описании других аспектов английской действительности, он нередко углубляется в историю с целью выискать какие-либо истоки имевшихся в его время преступлений и видов наказаний за них. Его описание преступлений и наказаний за них иногда до мелочей подробное и дает яркое представление об этом аспекте социальной истории Англии XVI в. Можно заметить, что во второй половине XVI в. правовая мысль англичан еще не намного продвинулась по срав-

нению с периодом классического Средневековья. Кроме известной классификации преступлений – «государственная измена», «фелони», да еще «*misdemeanour* (мисдиминора)», о которой автор вообще не упомянул, – более подробной классификации преступлений в общем праве английского королевства еще не было.

В описании способов наказаний встречается не только характерная для того времени жестокость, но и явные архаизмы. Вместе с тем Гаррисон показал, что в правосознании англичан было своеобразное понимание соразмерности вида преступления и наказания, умышленное и непредумышленное преступление и т.п. Так, совершенно четко современниками понималась особая опасность и вред преступлений, совершенных группой лиц, что учитывалось в способах наказаний. На меры наказаний оказывала влияние церковь и каноническое право. Как и в предыдущие столетия, сохранилась публичность наказаний, что, видимо, по-прежнему считалось необходимым для удовлетворения жертвы преступления и для назидания остальным. Сам автор трактата существовавшую в Англии практику наказаний за преступления не осуждает и даже детально описывает, как и другие явления повседневности.

Библиографический список

1. **Киясов, С. Е.** Лондон на рубеже эпох: мозаика повседневности (XVI–XVIII вв.) : монография / С. Е. Киясов, Т. В. Мосолкина, Л. А. Чернова ; под ред. Л. Н. Черновой. – Саратов : Техно-Декор, 2015. – 194 с.
2. **Мосолкина, Т. В.** Социальная история Англии XVI–XVII вв. / Т. В. Мосолкина. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2017. – С. 283–377.
3. **Евсеев, В. А.** «Городская цивилизация» Англии от Тюдоров до Стюартов / В. А. Евсеев. – Москва ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2019. – С. 498–564.
4. **Бовыкин, Д. Ю.** Повседневная жизнь Европы в XVI–XVII вв. / Д. Ю. Бовыкин // Всемирная история : в 6 т. / Д. Ю. Бовыкин, В. А. Ведюшкин, О. В. Дмитриева ; отв. ред.: В. А. Ведюшкин, М. А. Юсим. – Москва : Наука, 2013. – С. 103–116.
5. **Harrison, W.** The Description of England / W. Harrison ; ed. by G. Edelen. – New York : Cornell University press, 1968. – 512 p.
6. **Мелихова, П. В.** Историческая культура ранних антиквариетов / П. В. Мелихова // Известия Саратовского университета. Новая серия. История. Международные отношения. – 2018. – Т. 18, вып. 1. – С. 61–69.
7. **Мелихова, П. В.** Антиквариет об экономическом развитии Англии второй половины XVI в.: новые веяния и наследие средневековья / П. В. Мелихова // Вестник Нижневартонского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2018. – Вып. 1. – С. 90–98.
8. **Мелихова, П. В.** Судебно-правовая система Англии в восприятии антиквариетов XVI века / П. В. Мелихова // Известия Саратовского университета. Новая серия. История. Международные отношения. – 2018. – Т. 17, вып. 3. – С. 340–344.
9. **Мелихова, П. В.** Повседневная жизнь елизаветинской Англии в антикварном дискурсе конца XVI века / П. В. Мелихова // Известия Саратовского университета. Новая серия. История. Международные отношения. – 2016. – Т. 16, вып. 3. – С. 436–440.
10. **Паламарчук, А. А.** Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии / А. А. Паламарчук, С. Е. Федоров. – Санкт-Петербург, 2015.
11. **Митрофанов, В. П.** Преступление и наказание в Англии XVI в. (по трактату У. Гаррисона «Описание Англии») / В. П. Митрофанов // Актуальные проблемы

- исторической науки и творческое наследие С. И. Архангельского : XIV чтения памяти чл.-корр. АН СССР С. И. Архангельского (г. Нижний Новгород, 25–26 февраля 2005 г.) / отв. ред. Л. В. Софронова. – Нижний Новгород : Изд-во НГПУ, 2005. – С. 120–126.
12. Hill, Cr. England and Inquisition / Cr. Hill // Англия XVII века : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С. Е. Федорова. – Санкт-Петербург, 1994. – С. 43–45.
 13. Макаров, А. А. Поиски решения проблемы пауперизма в тюдоровской Англии (по трактатам современников) / А. А. Макаров, В. П. Митрофанов // Новая и новейшая история. – 2019. – № 6. – С. 32–48.
 14. Штокмар, В. В. История Англии в средние века / В. В. Штокмар. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. – 203 с.
 15. Statutes of the realm of England : in 10 vol. / ed. by A. Luders, T. E. Tomlins. – London, 1819. – Vol. IV. – 1275 p.

References

1. Kiyasov S. E., Mosolkina T. V., Chernova L. A. *London na rubezhe epokh: mozaika povsednevnosti (XVI–XVIII vv.): monografiya* [London at the turn of the epochs: the mosaic of everyday life (16th–18th centuries): monograph]. Saratov: Tekhno-Dekor, 2015, 194 p. [In Russian]
2. Mosolkina T. V. *Sotsial'naya istoriya Anglii XVI–XVII vv.* [Social English history of the 16th–17th centuries]. Moscow; Saint-Petersburg: Tsentr humanitarnykh initsiativ, 2017, pp. 283–377. [In Russian]
3. Evseev V. A. «*Gorodskaya tsivilizatsiya*» Anglii ot Tyudorov do Styuartov [“Urban Civilization” of England from Tudors to Stuarts]. Moscow; Saint-Petersburg: Tsentr humanitarnykh initsiativ, 2019, pp. 498–564. [In Russian]
4. Bovykin D. Yu. *Vsemirnaya istoriya: v 6 t.* [The World History: in 6 volumes]. Moscow: Nauka, 2013, pp. 103–116. [In Russian]
5. Harrison W. *The Description of England*. New York: Cornell University press, 1968, 512 p.
6. Melikhova P. V. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Proceedings of Saratov University. New series. History. International relationships]. 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 61–69. [In Russian]
7. Melikhova P. V. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Nizhnevartovsk State University. Humanities]. 2018, iss. 1, pp. 90–98. [In Russian]
8. Melikhova P. V. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Proceedings of Saratov University. New series. History. International relationships]. 2018, vol. 17, iss. 3, pp. 340–344. [In Russian]
9. Melikhova P. V. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Proceedings of Saratov University. New series. History. International relationships]. 2016, vol. 16, iss. 3, pp. 436–440. [In Russian]
10. Palamarchuk A. A., Fedorov S. E. *Antikvarnyy diskurs v rannestyuartovskoy Anglii* [Antique discourse in early Stuart England]. Saint-Petersburg, 2015. [In Russian]
11. Mitrofanov V. P. *Aktual'nye problemy istoricheskoy nauki i tvorcheskoe nasledie S. I. Arkhangel'skogo: XIV chteniya pamyati chl.-korr. AN SSSR S. I. Arkhangel'skogo (g. Nizhny Novgorod, 25–26 fevralya 2005 g.)* [Actual problems of historical science and the creative heritage of S. I. Arkhangelsky: 14th readings commemorating a correspondent member of the USSR Academy of Sciences S. I. Arkhangelsky (Nizhny Novgorod, February 25th–26th, 2005)]. Nizhny Novgorod: Izd-vo NGPU, 2005, pp. 120–126. [In Russian]
12. Hill Cr. *Angliya XVII veka: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [England in the 17th century: intercollegiate collected papers]. Saint-Petersburg, 1994, pp. 43–45. [In Russian]

13. Makarov A. A., Mitrofanov V. P. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and contemporary history]. 2019, no. 6, pp. 32–48. [In Russian]
14. Shtokmar V. V. *Istoriya Anglii v srednie veka* [The history of England in the Middle Ages]. Saint-Petersburg: Aleteyya, 2001, 203 p. [In Russian]
15. *Statutes of the realm of England: in 10 vol.* Ed. by A. Luders, T. E. Tomlins. London, 1819, vol. IV, 1275 p.

Митрофанов Владимир Петрович
доктор исторических наук, профессор,
кафедра всеобщей истории
и обществознания, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: vm@em-england.ru

Mitrofanov Vladimir Petrovich
Doctor of historical sciences, professor,
sub-department of general history and
social science, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Образец цитирования:

Митрофанов, В. П. Преступления в тюдоровской Англии (по данным современника) / В. П. Митрофанов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 4 (56). – С. 3–14. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-4-1.